

**МЕФДИЙ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Месть валькирий

Тайная магия Депресняка

Лед и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для темного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФФДИЙ БУСЛАЕВ

МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *В. Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Мечь валькирий : [роман] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2017. — 416 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-91155-4

Валькирия-одиночка убивает на поединке полуночную ведьму — и бросает тем самым вызов Мраку. Ответить на него должен Мефодий Буслаев, ведь именно ему ведьма преподнесла свой последний дар. Копье валькирии и изменивший Свету меч Древнира сойдутся в бою. Но Ирка знает: для того чтобы победить, ей не обязательно сражаться, достаточно просто назвать свое имя. Ведь тогда тайна валькирий защитит себя сама и наследник Мрака погибнет. Но разве Ирка сможет так поступить?! Нет, она готова на все, чтобы сохранить Мефодию жизнь...

УДК 821.161.1-312.9-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-91155-4

КОДЕКС ВАЛЬКИРИЙ

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.

2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама и всякий услышавший ее умрет.

3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичьи владения.

4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.

5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он ни был брошен.

6. Валькирию, которая нарушит любое из правил, ждет Суд Двенадцати.

Глава 1

HONORES MUTANT MORES¹

Боятся нет смысла. Все, чему суждено случиться, все равно произойдет.

Универсальный кодекс стражей

Одна минута тридцать секунд. Правая рука сдастся. Почему-то всегда раньше левой. Я что, скрытый левша, что ли? Локоть начинает трястись.

Минута тридцать пять секунд. Пот заливает глаза. Левый локоть поддается дурацкому влиянию правого и тоже трясется. А ну стоять, я сказал!

Минута сорок. Дыхание сбивается. Костяшки пальцев болят. Правая рука согнулась уже почти на треть. Выпрямить ее удастся лишь огромным усилием.

---

¹ Почести изменяют нравы (*лат.*). Плутарх. Жизнь Суллы. С. 30.

Дмитрий Емец

Минута пятьдесят. Трясутся оба локтя. Хочется все бросить. Начинает прогибаться таз. Тело пытается найти дополнительную опору.

Две минуты. Секундная стрелка прилипла к часам. Уже ничего не болит, но ничего и не хочется. Дышать получается только носом.

Две минуты десять. Локти не просто трясутся. Это, по-моему, просто мышечная судорога. Секундную стрелку едва видно.

Две минуты тридцать. Воля истаивает. Желание сдать становится навязчивым. Неужели две минуты сорок? Краткое торжество. Капля воды, упавшая на язык умирающему от жажды. Сплошное издевательство.

Две минуты пятьдесят. Вновь наваливаются слабость и безволие. Все ясно! Это заговор часов! Умрите же, ничтожные!

Мефодия захлестывает негодование. Он смотрит на часы с ненавистью. Стекло темнеет и лопается. Под часами внезапно обнаруживается светлая лужица растекшегося металла. Часы оплывают как на картине Дали и впитываются в трещину щербатого паркета.

Досчитав до десяти (с каждым счетом руки все больше сгибаются), Мефодий перекачивается на бок — выставить колено и встать нормально нет сил — и долго лежит так, улыбаясь. Восьмые часы за два месяца. Отличный швейцарский хронометр

стоимостью с автомобиль расплавлен негодующим наследником Мрака, который устал стоять на кулаках.

«Простоять на кулаках восемь раз по три минуты — это так просто. Особенно тому, кто никогда этого не делал», — сказал как-то Арей. Сказал и забыл. А Мефодий запомнил.

Ругая себя, Мефодий встает, подходит к столу и смотрит, сколько букв ему осталось. Одна, последняя. Он берет фломастер и записывает ее — «Л». Слово завершено. Вот оно, на бумаге, похожее на цепочку дохлых пауков:

ИНФАНТИЛ

Именно так три месяца назад, всплыв, назвала его Даф, и теперь Мефодий как плетью ежедневно подхлестывал этим словом свою слабеющую волю. С Даф они помирились, но все равно слово висело между ними в воздухе точно меч Дамокла — к слову сказать, стража четвертой категории, без права ношения регалий.

— Инфантил! — повторял себе Мефодий. — Инфантил!

И не важно, занимало ли слово «инфантил» почетное законное место в словаре или просто было обрубком прилагательного. Жалило оно больно. Знала ли Даф, что одним случайно сорвавшимся с языка словом она имеет все шансы выковать

Дмитрий Емец

из обычного подростка достойного наследника Мрака?

Отныне Мефодий воспитывал волю ежеминутно. Он делал только то, чего ему не хочется, и, напротив, старался не делать того, чего ему ужасно хотелось. Например, клал на стол перед собой большую плитку шоколада и не прикасался к ней до девяти часов вечера. Или настраивал заклинание так, что оно будило его в половине шестого. Он просыпался и сразу рывком вставал, потому что вокруг было темно и серо и хотелось застрелиться, но остаться под одеялом. Внутренняя стрелка воли и энергии, которую он представлял себе всегда очень ярко и материально, прилипала к нулю.

Понукая себя, он быстро одевался и выходил на улицу на трехкилометровую пробежку. Первый километр давался туго, так как жутко хотелось спать, зато потом дело шло бодрее, и он возвращался в резиденцию проснувшийся и свежий. У дверей, напрашиваясь на пинок и получая его, околачивались обычно два-три ранних комиссионера, принесшие Арею эйдосы. Куцая и страшная очередь.

Но случались и неудачи. Гнусные провалы воли. Порой бывало, что, уже натянув спортивный костюм, Мефодий совсем обессилевал. Внутренне махнув на все рукой, он падал на кровать и спал, спал, спал, пока его не будила Даф или Чимоданов не присылал к нему Зудуку, который, подкравшись, выпаливал из пистолета над самым ухом.

После каждого такого сбоя воли выгнать себя на пробежку на следующий день бывало вдвое сложнее. Как-то утром с Мефом увязалась Улита, бледная, с синими кругами под глазами, только что вернувшаяся из ночного клуба. Пропыхтела с километр и обратно в резиденцию вернулась на лимузине спешно вызванного Мамаю.

— Нетушки! Я и так развиваю волю. Не ем с двенадцати ночи до трех утра. Хватит! — сказала она, обрушиваясь на сиденье. Хан Золотой Орды услужливо захлопнул дверцу.

* * *

Закрыв тетрадь самоконтроля, в котором паучье слово «инфантил» появилось в восемьдесят шестой раз, Мефодий деловито огляделся. Он стоял в своей комнате на Большой Дмитровке, 13. Старый беззубый рояль у стены был завален книгами и тетрадями. Мефодий использовал его как письменный стол.

У книг стражей Мрака был непростой нрав. Ночами они нередко переползали с места на место, шурша страницами. Самой неприятной книгой, от которой Меф с удовольствием избавился бы, была «История Тартара». Случалось, в полночь она окутывалась серебристым сиянием и из нее доносились ужасные вопли, скрип колес, лязг крючьев, которые пробивалась даже сквозь подушку, натянутую Мефом на голову.

— Кто там кричит? — как-то спросил Меф у Арея.

Дмитрий Емец

— И всегда одним голосом? — уточнил Арей.

— Да.

— Трагикомическая история. Некогда книгу выкрал один маг, решивший постичь науку стражей. Зная, что просто так книга не позволит ему себя прочесть, он пошел на сделку — обещал ей свой эйдос, чтобы она позволила ему окунуться в ее премудрость. Именно так кудряво и звучало условие сделки. На этом он и погорел.

— И книга взяла эйдос?

— Само собой, в тот же миг. Только свое условие сделки выполнила своеобразно. Хочешь окунуться — окунайся. Она втянула бедолагу внутрь, и вот уже который век он путешествует по ее страницам. С одной картинки на другую. С виселицы на дыбу, а оттуда в какой-нибудь чан с жидким стеклом... — зевнул Арей.

Меф, наделенный не в меру живым воображением, передернулся:

— Но это же... гадко как...

Начальник русского отдела перестал зевать и посмотрел на него с холодным раздражением:

— Что-то я тебя не понимаю, синьор помидор! Ты уж определись как-нибудь: собираешься ли ты управлять Мраком или готовишь себя к высокому поприщу заведующего водокачкой.

Мефодий ничего не ответил, но в тот же вечер втайне от Арея вырвал из «Истории Тартара» страницу, где несчастный маг был подвешен за ребро на

крюк, и сжег ее над свечой, наблюдая, как желтеет и сворачивается книжный лист.

— Я буду управлять Мраком, но так, как сам этого захочу! — сказал он, сдувая пепел.

Покалеченная «История Тартара» мстительно затаилась. Новые страницы отрасли у нее ежедневно, появляясь уже заполненными, по мере того, как продолжалась история Мрака. Несчастный маг однако не вернулся, ночные вопли прекратились.

* * *

Мефодий еще часа полтора просидел над книгами и, потянувшись, встал. Уф-ф! Выполнено все намеченное. Такое бывает не часто, и, значит, сегодня можно над собой больше не измываться.

Он открыл дверь и вышел в гостиную — помещение неправильной геометрии, напоминающее хорошо побитый четырехугольник. Справа — лестница вниз. Слева — комната Евгеша Мошкина. По диагонали — дверь Наты. Прямо напротив Мефодия, рядом с зеленым диваном (некогда на нем кого-то ласково придушили подушкой, без чего диван никогда не попал бы сюда) — комната Петруччо.

Даф, переехавшая от Зозо, жила выше, в мансарде. Вечерами оттуда доносились грустные звуки флейты, и комиссионеры, роняя чернильные слюни, бросались писать доносы. Лигул бережно подшивал доносы в папку, однако хода им пока не давал.

Дмитрий Емец

Придерживал до поры. Даф нужна была ему для хитроумных комбинаций, которые он выстраивал, как шахматист дальновидно выстраивает партию.

Посреди гостиной у большого окна стоял Мошкин и сосредоточенно, одной силой мысли, выводил на стекле ледяные узоры. Получалось нечто причудливое, мало на что похожее. Точно задорное щекастое снежное лицо хотело заглянуть в окно и вдруг расплющилось о стекло. Последнее время Мошкин основательно увлекся рисованием на стекле и ледяными скульптурами. То, что на дворе был май, Евгешу мало волновало. При желании он смог бы рисовать изморозью даже на кипящем чайнике.

Евгеша был так увлечен, что не заметил Мефа. Заметив же, немедленно превратил рисунок в пар. Чаше Мошкин предпочитал рисовать изморозью у себя в комнате, но там окно было меньше, чем в гостиной. За десять месяцев, прошедших с тех пор, как Лигул выпустил Арея из Тартара, Мошкин стал выше и шире в плечах. Правда, привычку задавать вопросы в стиле «А я сегодня завтракал?» не утратил. Недавно ему исполнилось четырнадцать — столько же, сколько Мефодию, Нате и Петруччо, родившихся с ним в один день.

— Ну и зачем? По-моему, было неплохо, — с сожалением сказал Мефодий.

— Что, правда? — воспрянул Мошкин. Как многие небесталанные люди, он был бесконечно

(и скрыто) самолюбив и одновременно столь же бесконечно не уверен в собственных силах.

— Угум, — кивнул Буслаев.

По лицу Евгеша он видел, что тот уже жалеет о том, что уничтожил рисунок.

— А я почему-то не люблю, когда кто-то смотрит. Хочется под пол провалиться! — сказал Мошкин с печалью.

— Прямо сразу и под пол? Так что же не проваливаешься? — поинтересовался Мефодий.

Технически это было вполне реально. Всего только и требовалось, что, сосредоточившись, мысленно начертить руну.

— Да ну... дыра в полу... дым... вонь... чинить заставят! — Мошкин грустно смотрел на растаявшую воду, стекавшую по подоконнику. Взглядом он собрал ее и отправил в стакан. — Ты не врал, что было неплохо? — спросил он недоверчиво.

— Класс! — заверил его Меф.

Мошкин был ему симпатичен, и он покровительствовал ему, защищая от наездов колючего на язык, вечно взъерошенного Чимодана. Под этим сугубо для личного употребления прозвищем давно таился господин Петруччо, творец, покровитель и друг контуженного по жизни Зудуки.

Кстати, именно его хитрая физиономия просунулась в эту минуту в пропиленный лаз из комнаты Петруччо. За поясом у Зудуки торчал неизменный пистолет. Мягкие же руки волокли коробку, под-